

Л. Н. Мазур
ИСТОРИЯ XX в. В НАЗВАНИЯХ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ
(по материалам Урала)*

Географические названия являются ценнейшим источником, позволяющим приблизиться к пониманию культуры народа и особенностей его исторического развития. По справедливому замечанию Г. М. Керта, топонимы как часть культурной среды народа отражают его мироощущение, миропонимание и мироконструирование.¹ Названия природных географических объектов: гор, рек, озер, болот и т. д. — можно отнести к внешнему семантическому кругу сознания человека, который не только выполняет функции маркировки географического пространства, освоенного в большей или меньшей степени, но и является отражением уровня его познания и понимания.

Среди топонимов особое место занимают ойконимы — названия населенных пунктов. В отличие от других видов топонимов имена поселений выступают как отражение преимущественно социальной практики людей, и тем самым они максимально приближены к их частной жизни, являясь важнейшим элементом ближайшего, почти «домашнего» окружения. В наименованиях населенных пунктов нашли отражение исторические и культурно-психологические аспекты восприятия окружающего мира. Формируемая с их помощью семантическая сетка, в свою очередь, определяет отношение и эмоциональную оценку исторической реальности и происходящих в ней изменений.

Важно подчеркнуть информационные и социальные функции ойконимов. Они не просто обозначают объект, но несут информацию об истории, типе поселения, занятиях населения и его этнических корнях, указывают, кому оно принадлежит. Очень важна и их функция адресации, позволяющая поддерживать устойчивые социальные связи и контакты.

¹ Керт Г. М. Топонимия в современном мире // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020\(01_04-2001\)&xsl=showArticle.xslt&id=a06&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020(01_04-2001)&xsl=showArticle.xslt&id=a06&doc=../content.jsp).

Мазур Людмила Николаевна — д.и.н., заведующая кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского государственного университета (г. Екатеринбург)
 E-mail: lmaz@mail.ru

* Тема поддержана грантом РГНФ 11-01-12044в «Историко-географический справочник «Населенные пункты Свердловской области»». Рук. Л. Н. Мазур

Именно поэтому в основе ойконимов лежат либо местные гидронимы (названия рек, болот, ручьев, озер) и оронимы (названия гор и холмов), что облегчает ориентацию на местности, либо антропонимы.

Топонимы — достаточно устойчивый пласт языка, который формируется в условиях традиционной культуры и является отражением прежде всего ее национальных особенностей. В традиционном обществе действуют свои механизмы именования, преемственности и корректировки топонимов. Наиболее устойчивыми являются гидронимы и оронимы: их переименование — явление исключительное, связанное с глобальными историческими процессами — переселением народов, великими географическими открытиями. Названия населенных пунктов более изменчивы и максимально приближены к локальным конкретно-историческим процессам и событиям.

Эволюция топонимической карты имеет свои закономерности. К числу наиболее ранних относятся поселения, названия которых отражают физико-географические особенности местности. Типичный вариант именования основан на использовании названий расположенных рядом рек, озер. Так, один из крупнейших городов Среднего Урала — Нижний Тагил — получил свое название по местоположению на реке Тагил, как и села Таборы, Манчаж, города Сухой Лог, Тавда и многие другие. Немало названий, имеющих этническое происхождение, но это уже более поздний слой ойконимов, отражающий процессы взаимодействия разных народов и связанный с их миграциями. Так, например, деревня Сызги (Красноуфимский район Свердловской области) получила свое имя от названия башкирского племени сызги.²

Однако чаще других среди ойконимов сел и деревень встречаются названия, имеющие антропонимическое происхождение. По подсчетам специалистов, до 70% названий русских сел и деревень образовано от антропонимов.³

² См.: Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области. Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000. С. 265.

³ См.: Андреев В. П. Топонимика и идеология в Советской России (1917–1941 гг.) // Конференция: Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: <http://www.sib-subethnos.narod.ru/p2005/andreev2.htm>.

Причем в названиях поселений в равной степени могут использоваться разные их виды — имена, отчества, фамилии и прозвища. Более раннее происхождение имеют, как правило, поселения, в названии которых присутствует имя или прозвище, позднее появляются населенные пункты, названные по фамилии первопоселенцев. По доминированию того или иного типа ойконимов (географические или антропонимические) можно судить о степени освоения территории: когда в топонимике начинают преобладать антропонимы, тогда можно говорить о формировании обжитого пространства с тесными соседскими связями и отношениями.

Так из названий поселений складывается живая картина заселения территории с ее многочисленными сюжетами и коллизиями. Ойконимы формируют образ местности, в котором в зависимости от стадии расселения и эпохи отражаются знакомые человеку приметы. За каждым именем практически всегда стоит легенда, поясняющая и закрепляющая его в сознании людей как социальный факт. Имя несет в себе элемент сакральности: в нем заложена не только история, происхождение, но и судьба, будущее.

В традиционном обществе наблюдалась относительная стабильность ойконимов, хотя переименования не исключались и были связаны в большинстве случаев с естественной эволюцией поселения, изменением его статуса и роли в системе расселения. Причиной переименования могло быть, например, строительство храма. Такой обычай возник еще в XV в., что привело к появлению сел и деревень с названиями Рождественское, Вознесенское, Богородское и т.п., которые можно найти на любой губернской карте.⁴

В дореволюционной России известны примеры переименований, связанных с политическими причинами, но они были единичны. Среди наиболее известных фактов обычно упоминается Указ Екатерины II, которая в 1775 г. повелела переименовать реку Яик в Урал, а Яицкий городок — в Уральск «для предания... полному забвению» событий, связанных с восстанием Пугачева.

Отношение к имени и подходы к переименованию кардинальным образом меняются в XX в., особенно в советский период. Причем

трансформация ойконимикона была не единовременным явлением, а протекала в течение всего века, отражая не только смену в стране политического и социально-экономического строя, но и отдельные этапы советской истории. В результате к концу XX в. мы имеем в значительной степени обновленный список населенных пунктов, в котором с трудом можно найти старые имена, а еще сложнее проследить их преемственность, так как топонимические волны перекрывали одна другую, формируя исторические напластования ойконимов, отражающих особенности эпохи.

На протяжении XX в. выделяются два крупных периода, связанных с пересмотром сложившегося списка населенных пунктов, — 1914–1958 гг. и 1959–1990-е гг. В первой половине XX в. изменение названий охватило преимущественно городское и внутригородское пространство, а в качестве причин переименований преобладали политические и идеологические. Во второй половине XX в. этот процесс развернулся в полную силу в сельской местности, изменились и причины, среди которых стали превалировать факторы, связанные с общими глобальными переменами, в том числе с урбанизацией. В рамках каждого из периодов выделяются топонимические волны продолжительностью в 10–12 лет, которые непрерывно накрывали советское общество, оставляя заметный след в языке и списках населенных пунктов, уничтожая старые названия и создавая новые.

В публикациях, посвященных изучению отечественной топонимики XX в., подчеркивается два основных момента: 1) существенная роль государства в процессах именования и переименования населенных пунктов, связанная с формированием централизованной системы регистрации и учета поселений; 2) значительные мировоззренческие и ментальные сдвиги в обществе.⁵ Последнее обстоятельство является в основном следствием революционных преобразований и связано с потребностью общества привести в соответствие свои социальные ожидания с системой обозначений и образов, представленной в названиях населенных мест. Стремление к новой жизни сопровождалось пересмотром символической маркировки окружающего пространства. По-

⁴ См., например: Список населенных мест Пермской губернии. Т. 1–12. Пермь, 1909.

⁵ См., например: Андреев В. П. Указ. соч.; Беликов В. И. Языковая политика в топонимии как воспитание чувств и ее отражение в справочных изданиях как зеркало государственных эмоций // Эмоции в языке и речи. М., 2005. С. 236–250 и др.

этому реформы языка и кампании по переименованию всего (учреждений, должностей, улиц, площадей, поселений, городов, областей и районов) следует рассматривать как взаимосвязанные процессы, в которых слились идеологические интересы власти и социальные ожидания общества.

Учитывая этот момент, все же подчеркнем, что потребность в изменении топонимов стала ощущаться в российском обществе еще до Октябрьского переворота, поэтому было бы не вполне правильно соотносить эпоху переименований только с революцией. Немаловажным фактором, на наш взгляд, стали модернизационные процессы, охватившие российское общество в конце XIX — начале XX в.

Толчком к началу топонимической «чехарды» послужили события I Мировой войны, когда под влиянием антинемецких настроений в российском обществе столица империи была переименована в Петроград, а за ней последовали и другие поселения, носящие «враждебные» названия. События февраля 1917 г. получили отражение в названиях улиц и площадей городов, сначала не затронув уровень сельских поселений и городов.

Более мощная волна переименований приходится на 1920-е гг. и разворачивается после окончания Гражданской войны. Победа советской власти сопровождалась маркировкой завоеванного пространства и утверждением новой символики. Особая роль в этом процессе отводилась увековечению имени Ленина, которое стало одной из наиболее употребляемых основ для формирования системы ойконимов советского периода. Так, на территории Среднего Урала в 1920–1930-е гг. насчитывалось 14 населенных пунктов, в названиях которых использовалось имя Ленина.⁶

В 1920-е гг. переименования в большей степени затронули города и внутригородское пространство: улицы и площади получали имена вождей революционного движения и героев Гражданской войны, названия, связанные с символами пролетарского движения и социалистическими идеями.

Процесс переименования населенных мест был тесно связан с упорядочением административно-территориального деления

молодого советского государства и с созданием новой системы учета и регистрации населенных пунктов.⁷ Согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г., регистрация и учет поселений были возложены на административные отделы областных и губернских исполнительных комитетов и народные комиссариаты внутренних дел автономных республик.⁸ В результате произошла смена механизма именования населенных пунктов: если ранее названия поселениям, как правило, давали их основатели, а впоследствии они регистрировались административными органами, то в советский период власть стала инициатором и во многих случаях автором названий, которые сначала официально утверждались, а уже потом воспринимались населением.

Переименованиями в 1920-е гг. были охвачены прежде всего крупные города. По данным Г. М. Лаппо, за годы советской власти свои названия сменили почти 400 городов РСФСР, в том числе около половины городов-миллионеров, 40% крупнейших городов, 20% — крупных и больших и только 8–9% — малых и средних.⁹ Новые ойконимы отражали политические реалии советского строя и его партийно-революционный пантеон.

В числе первых были изменены названия городов, в которых упоминались имена представителей царской фамилии: еще в 1918 г. город Николаевск был переименован по предложению В. И. Чапаева в Пугачев. Несколько позднее, в 1920 г., Екатеринодар стал Краснодаром, в 1921 г. Романов-на-Мурмане — Мурманском. Екатеринбург был переименован в Свердловск в 1924 г. Перечень примеров можно продолжить, и он весьма показателен, так как переименования затронули преимущественно губернские и областные центры и отразились на номенклатуре административно-территориальных единиц.

В сельской местности революционные названия получали, как правило, вновь образованные поселки, хутора, выселки, возникшие в 1920-е гг. в результате расселения крупных деревень, организации колхозов и совхозов, промышленного и лесохозяйствен-

⁶ Подсчитано по данным Информационно-справочной системы «Города и села Свердловской области в XX веке». См. об этом подробнее: Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений на Среднем Урале в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006. С. 168–183.

⁷ См.: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. «О порядке регистрации и наименования вновь возникших поселений» // СУ РСФСР. 1926. № 60. Ст. 460.

⁸ Там же.

⁹ См.: Лаппо Г. М. Имена городов. Топонимические размышления геоурбаниста // География. 2004. № 22: <http://geo.1september.ru/articlef.php?ID=200402405>.

ного строительства. В Списках населенных пунктов Уральской области 1928 г. во множестве встречаются поселения с названиями Беднота, Пролетарский, Батракова. Особенно популярным было название Первомайский (12 населенных пунктов в 5 округах Уралобласти).¹⁰ В новых ойконимах широко использовалось прилагательное «красный» — Красный Борец, Красный Горняк, Красный Луч, Красный Маяк и пр.

Любопытно, что названия — традиционные или модернизированные — получали преимущественно сельские поселения. Промышленные, транспортные, лесохозяйственные поселки часто не имели их совсем и обозначались в списках как производственные объекты: пос. Мельница № 3, Мельница № 4, Бревенчатый элеватор, Метеогорка и т. д. В целом, регулирование процесса присвоения имен сельским поселениям (в отличие от городов) в 1920–1930-е гг. было организовано плохо: административные органы этим серьезно не занимались.

В 1930-е гг. страну накрыла новая топонимическая волна, захлестнувшая вновь преимущественно города, а в сельской местности отразившаяся на формировании параллельной системы наименований, на десятилетия затенившей традиционную поселенческую сеть. Речь идет о создании колхозов и совхозов на месте бывших сельских обществ и о превращении их в основную хозяйственную единицу, фактически подменившую собой поселенческие структуры.

Колхозы стали именоваться в честь вождей революции, съездов и конференций партии, годовщин революционных событий. Особую группу составляли названия, связанные с позитивно заряженными «революционными» образами, — Заря, Восход, Светлый путь, Победа и т. д. С этого времени во всех учетных документах на первом месте находились списки колхозов, МТС и совхозов, а в качестве дополнений шли перечни населенных пунктов.

Расширение списка и изменения в названиях населенных пунктов в 1930-е гг. связаны с рядом новых факторов. Прежде всего это утверждение культа личности с его идеологией фетишизации имени вождей, а также индустриализация и, соответственно, вступление

страны в стадию урбанизационного перехода, сопровождавшееся ростом числа городов. Стремление дать новым городам «социалистические» имена, тем самым отделив их от прошлого, поддерживалось и властью, и значительной частью общества, прежде всего молодежью. В этой связи весьма показательное письмо пионеров М. И. Калинину, отразившее общий настрой молодого поколения Страны Советов:

«Михаил Иванович, мы были бы рады если бы Вы исполнили нашу маленькую просьбу. За это мы будем учиться на отлично. Эта просьба совсем маленькая. Столица цветущей Украины г. Киев носит некрасивое имя, между прочим когда сам город очень красивый, а имеет такое название. Мы просим переименовать его в более грозное и привлекательное имя. Значит город Киев и Киевскую область переименовать в город “Неаполь” и “Неаполитанскую область”. Михаил Иванович город Неаполь есть в Италии. Но это ничего не стоит переименовать Киев... Просим не отказать в нашей просьбе. Ведь хорошо было бы, если столица Украины была город Неаполь. Еще Михаил Иванович просим переименовать город Тбилиси в “Тибилион”, а Петрозаводск на имя германского вождя Тельмана. Столицу Казахстана город Алма-Ата в Джамбул. Хотя есть город Джамбул, но его можно переименовать в другое имя. Ташкент в Ленинабад. А Ленинабад в Таджикистане переименовать в Молотобада. А Ашхабад в Советский Багдад».¹¹

Центральные исполнительные и законодательные органы были завалены письмами пионеров, комсомольцев, трудящихся, вносивших свои предложения по переименованию городов и селений.¹² ЦИК СССР пришлось подготовить специальное письмо, в котором указывалось, что переименование может иметь место только в исключительных случаях, имеющих *политическое значение*.¹³ Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1936 г. был установлен новый порядок принятия решений о переименовании населенных мест: СНК СССР рассматривает предложения по объектам союзного подчинения, СНК республик — по объектам республиканского значения.¹⁴

¹⁰ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т. 3: Ирбитский округ; Т. 6: Кунгурский округ; Т. 10: Свердловский округ; Т. 11: Тагильский округ; Т. 16: Шадринский округ; Т. 14: Тюменский округ.

¹¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 11. Д. 233. Л. 20. Текст письма приводится с сохранением авторского стиля и орфографии.

¹² Там же.

¹³ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 1. Л. 1.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 204. Л. 3.

Усиление централизации в решении подобных вопросов не могло не отразиться на процедуре переименования, приобретшей в условиях формирования тоталитарного строя вполне определенный характер. Наиболее популярным вариантом переименования стало присвоение областям, районам, городам, предприятиям, не говоря уже об улицах и площадях, имен партийных и советских руководителей, а также героев-революционеров. Если в 1920-е гг. такие решения принимались с целью увековечения памяти представителей политической и революционной элиты, то в 1930-е гг. они стали доказательством преданности вождям. В условиях развертывания массовых репрессий это было чревато серьезными последствиями. Так, например, Надеждинск (первоначально — Надеждинский завод), расположенный на Северном Урале и ставший городом в 1926 г., был переименован в 1934 г. в Кабаковск по имени И. Д. Кабакова, бывшего в то время первым секретарем обкома партии. После того как его репрессировали, город вновь стал Надеждинском. А через два года, в 1939 г., он был назван Серовом в честь летчика-героя Анатолия Серова.

Практически все областные центры Урала и прилегающих территорий оказались жертвами кампании по переименованию. 5 декабря 1934 г. постановлением ВЦИК Вятка была переименована в Киров. В 1938 г., когда погиб Валерий Чкалов, Оренбург стал носить его имя, хотя сам летчик ни разу сюда не приезжал, а область, соответственно, стала называться Чкаловской. В марте 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР город Пермь был переименован в Молотов, а Пермская область — в Молотовскую.¹⁵ Подобная судьба едва не постигла Челябинск, где в конце 1930-х гг. обсуждался вопрос о переименовании его в честь Сталина. Предлагались разные варианты — Коба, Сталин, Сталинград, Сталино, Сталиногорск, Сталинск, Сталинабад, Сталинири.¹⁶

Тиражирование имен руководителей партии и правительства в названиях административно-территориальных единиц и населенных пунктов приводило к региональному и национальному обезличиванию территории. По частоте встречаемости имен советских лидеров на карте страны можно судить об их

политическом рейтинге. К 1940 г. был существенно обновлен список не только крупных, но и средних и мелких российских городов.

В сравнении с городами факты переименования сельских поселений в 1930-е гг. были немногочисленными и обуславливались в основном политическими или идеологическими (антирелигиозными) причинами. Так, например, в Оренбургской области по ходатайству пионеров в 1935 г. село Тимашево было переименовано в поселок Хлебороб в связи с тем, что было названо именем помещика.¹⁷ В Свердловской области, согласно Указу от 27 декабря 1940 г., село Гробоно Нижне-Сергинского района стало называться Первомайским.¹⁸ Характерно, что просьбы о переименовании деревень в этот период часто отклонялись.¹⁹

В 1940-е гг. новая топонимическая волна была связана с депортацией целых народов в условиях войны и захлестнула преимущественно сельскую местность. Начало было положено Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. о переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. 12 октября 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Карачаевской АО и об административном устройстве ее территории». В 1944 г. настала очередь чеченцев и ингушей, обвиненных в предательстве и измене Родине. Чтобы стереть с географической карты память об этих народах, 19 июня 1944 г. Грозненский обком ВКП(б) принял решение о переименовании районов, районных центров и населенных пунктов области. В общей сложности были изменены названия 73 сельсоветов и 80 населенных пунктов.²⁰ Вслед за Чечено-Ингушской АССР в 1944 г. подобная участь постигла Кабардино-Балкарскую АССР.²¹

Особую страницу в летописи переименований занимает период освоения территорий, завоеванных СССР в годы II Мировой войны, в частности Сахалина, где Указом от 15 октября 1947 г. были изменены с японских на русские названия 363 населенных пунктов. Так,

¹⁷ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 11. Д. 216.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Оп. 16. Д. 166. Л. 76, 84.

²¹ Щербатая О. Г. Сталинская национальная политика // Журнал «Самиздат»: http://samlib.ru/s/sherbataja_o_g/stalinskajacionalxnajapolitika.shtml.

¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 212.

¹⁶ Лаппо Г. М. Указ. соч.

деревня Накакиро стала называться Верхнереченской, Асахи — Подгорной, Мороцу — Каменкой и т. д.²²

Одной из последних топонимических волн, связанных с культом личности, а вернее с преодолением его последствий, стала кампания 1957 г., когда были приняты решения о переименовании или возвращении исторических имен многим областям, районам, городам, названным в честь И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и других деятелей сталинской эпохи. Молотовская область 2 октября 1957 г. вновь стала называться Пермской.²³ Указом от 4 декабря 1957 г. было возвращено историческое имя городу Оренбургу и Оренбургской области.²⁴

Все эти решения были связаны с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР (1957 г.), в котором были регламентированы вопросы наименования населенных пунктов.²⁵ В частности, были определены полномочия органов власти в присвоении населенным местам имен выдающихся людей, а также общие процедуры. В 1968 г. были приняты дополнения, несколько упрощавшие механизм присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов.²⁶ Этот указ во многом определил новые тенденции именования населенных мест. Использование антропонимов с этого времени разрешалось только в исключительных случаях для увековечения памяти государственных лидеров. Так, например, в 1984 г. Ижевск стал Устиновым.

Вслед за переименованием городов и областей пришел черед реформ в вопросах учета и именования сельских населенных мест. При подготовке к Всесоюзной переписи населения 1959 г. было обращено внимание на тяжелую ситуацию с административным учетом сельских поселений. Ни в центре, ни на местах точных данных о количестве и админи-

стративной принадлежности сел и деревень не было. Многие селения были разрушены в ходе войны и не восстановлены. В послевоенное десятилетие появились сотни новых населенных пунктов. Все они, как правило, не имели собственного имени и обозначались как производственные объекты, а часто просто по номерам. К ним добавились сельские поселения, возникшие в результате освоения целинных и залежных земель. В целом, к концу 1950-х гг. топонимическая картина сельской местности была очень запутанной.

С конца 1950-х гг. начинается новый этап переименований, охвативших преимущественно сельскую местность. Областные исполнительные комитеты повсеместно начали проводить работу по перерегистрации населенных мест, попутно внося предложения о переименованиях. Эти ходатайства рассматривались в Верховном Совете СССР и превращались в многочисленные Указы, касавшиеся всех регионов страны. И если сначала переименования еще обосновывались необходимостью расстаться с образами старого мира — именами помещиков и кулаков, религиозными и классовыми символами, то в 1960-е гг. достаточным основанием для изменения названия стала неблагозвучность, «оскорбительность» имени, несоответствие его образу социалистической деревни.

Так, например, Указом от 8 января 1958 г. «О переименовании некоторых населенных пунктов Александровского района Оренбургской области» поселок Плешаново был переименован в Малые Горки; Хутор 2-й Холодовский — в поселок Зеленая роща и т.д. Все эти хутора возникли как отделения целинного совхоза и первоначально назывались по имени деревень, появившихся ранее. Интересно, что необходимость переименования мотивировалась тем, что названия поселков происходят от фамилий бывших местных помещиков — Плешанова и Холодовского.²⁷ (Здесь еще слышны отголоски сталинского времени.)

Среди законодательных документов этого периода выделяется Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР»,²⁸ закре-

²² ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 276. Л. 5–10.

²³ Там же. Оп. 75. Д. 483. Л. 38, 45, 54, 56.

²⁴ Там же. Л. 141.

²⁵ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 10. С. 494.

²⁶ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1968 г. «О порядке присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 5. С. 191.

²⁷ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 75. Д. 529. Л. 16.

²⁸ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 22. С. 300.

пивший новые принципы наименования и переименования населенных пунктов, а также процедурные моменты. В частности, предлагалось присваивать поселению имя, *исходя из географических, исторических, национальных, а также местных природных условий*. Этот подход в известной мере напоминает традиционные способы именования поселений, но в более упрощенном и «стерилизованном» виде. Так, «учет местных природных условий» на практике сводился к тиражированию типовых названий — Полевое, Луговое, Заречное, Ключи и т. п.

Указ стал сигналом к развертыванию массовой кампании по переименованию сельских населенных пунктов, охватившей всю страну. В общей сложности на протяжении только 1962 г. с момента издания Указа в РСФСР было переименовано 260 населенных пунктов. В Пермской области в начале 1960-х гг. было переименовано более 200 населенных пунктов.²⁹ В Свердловской области количество таких поселений превысило 100, в Оренбургской — 280.³⁰

Так, например, в Свердловской области в 1962 г. 19 сельских поселений потеряли свои исторические имена, среди которых были очень выразительные: д. Забегалово и д. Лягушино (Артемовский район), пос. Смахуновка (Красноуральский район), д. Погорелово (Красноуфимский район), пос. Шаманиха, д. Обжорино (Невьянский район), д. Балагур (Туринский район).³¹

В 1964 г. в дополнение к Указу 1962 г. было принято сначала постановление Президиума Верховного Совета СССР, а чуть позднее постановление Президиума Верховного Совета РСФСР, регламентирующие порядок наименования и переименования административно-территориальных единиц.³² В центре внимания этих документов оказались вопросы, связанные с наличием одноименных поселений в границах одной административно-территориальной единицы. Была также продолжена кампания, направленная против некрасивых и чуждых имен, не соответствующих представлениям о социалистической деревне. В этот пе-

риод сотни поселений с названиями Холоповка, Лапоть, Батраки, Грязевка получили более «красивые», но безликие имена.

Только в 1966 г. в РСФСР было переименовано около 900 населенных пунктов.³³ В Оренбургской области Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 октября 1966 г. были утверждены новые названия для 215 поселений. В 1964–1966 гг. Курганский облисполком переименовал 98 поселений.³⁴ В Свердловской области в 1966 г. 102 населенных пункта стали называться по-новому.³⁵ В результате складывается новая топонимическая карта сельской местности, в которой традиционные названия стали вытесняться новыми — благозвучными и невыразительными. Они стали отражением нового восприятия сельской местности, которое сформировалось в обществе в условиях урбанизационного перехода. В них, с одной стороны, проявилось противопоставление городскому образу, а с другой — усиленно использовалась советская символика.

В 1970-е гг. волна переименований спадает. В это время все силы властей были направлены на оптимизацию сельского расселения за счет переселения жителей неперспективных деревень и благоустройства крупных поселений. Однако к началу 1980-х гг., когда провал политики реконструкции сельской местности за счет укрупнения поселений стал очевидным, начался новый всплеск переименований, затронувший в большей степени регионы, где программа расселения малых деревень по каким-то причинам не была реализована.

В 1980-е гг. формируется новая тенденция возврата к историческим названиям поселений. Сначала это была попытка «возвращения» старого имени новым поселениям. Так, например, в Ростовской области в 1987 г. было переименовано 147 населенных пунктов, в том числе пять новых поселений получили названия, которые носили населенные пункты, исключенные из регистрационных списков в 1960-е гг., — поселки Клиновой и Шаповаловка.³⁶ В Удмуртской АССР в 1989 г. были приняты решения о переименовании двух населенных пунктов, которым были возвращены исторически сложившиеся названия — Большие Сибь и Малые Сибь.³⁷

²⁹ ГАПК.Ф. 564. Оп. 3. Д. 3078. Л. 2.

³⁰ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 78. Д. 702. Л. 34.

³¹ Там же.

³² Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 января 1965 г. «О порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц, населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций, улиц и площадей РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 5. С. 114.

³³ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 909. Л. 99; Оп. 101. Д. 661. Л. 82.

³⁴ Там же. Ф. 385. Оп. 17. Д. 4592б. Л. 18.

³⁵ Там же. Д. 4324.

³⁶ Там же. Д. 4910–4911.

³⁷ Там же. Д. 5047. Л. 7.

С распадом СССР тенденция возврата к историческим именам проявилась с особой силой и привела к новым переименованиям, затронув в первую очередь города. Свои исторические названия вернули Свердловск, Ленинград, Куйбышев и другие областные центры, что стало отражением стремления общества уйти от советского прошлого. Сработал тот же механизм, что и в 1920–1930-е гг., когда смена имени символизировала новую жизнь и новое общество. Социально-экономический и политический кризис 1990-х гг. приостановил дорогостоящую процедуру переименования, поэтому не все подобные проекты, инициированные преимущественно снизу, были реализованы.

Однако это не означает, что топонимическая волна не достигнет нас снова. За последние сто лет переименования стали обычным, и даже обыденным, делом для российской власти и общества. Игра в имена стала своего рода защитным механизмом, позволяющим бывшему советскому человеку принимать желаемое за действительное и примиряться с ним. В этом также проявляется сакральность отношения к имени и специфика российского менталитета. Свои идеологические интересы есть и у современной власти. Поскольку запрет на смену имени давно

снят в нашем сознании, то использование переименований для манипулирования общественным сознанием остается очень удобным и привлекательным способом управления.

Что касается сельской топонимики новейшего времени, то следует подчеркнуть ее коренные отличия от системы наименований, существовавшей в России в дореволюционный период. В целом, за последние сто лет произошло очевидное изменение словаря и семантики ойконимов, которые в большей степени стали отражать новую систему ценностей и представлений, свойственную урбанизированному индустриальному обществу. В ней подчеркивается специфика сельской местности, ее природно-экологическая сторона. Если в традиционном обществе в системе ойконимов, как сельских, так и городских, присутствовало социально-этническое и антропонимическое начало, то в новой системе наименований сельских поселений оно практически отсутствует, а на первый план выходит «пасторально-мифологическое», абстрактное восприятие сельской местности как особой природной зоны. При этом происходит нивелирование региональных, национальных особенностей, а маркировка социального пространства приобретает внеисторическое звучание.

Ключевые слова: история XX века, модернизация, названия населенных мест как исторический источник, характер и причины переименований поселений

HISTORY OF THE 20TH CENTURY IN PLACE NAMES (on the materials of the Urals)

The article is focused on research of communities' place names as a primary source reflecting the history of the Russian society in the 20th century. Wide-scale renaming campaigns were a reflection of the depth of both social and mentality transformations in society as a result of the revolution, the Stalin's personality cult, collectivization and industrialization. In addition to the political and ideological factors, the names of the rural communities and villages were often changed as a result of a new perception of the countryside, which was formed largely under the influence of the urbanization processes. The article offers periodization of the community place names transformation process and also considers the main reasons for renaming, as well as the general results of this process.

Ludmila N. Mazur